УДК 911.3:33

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЭКОНОМИКИ СЕВЕРНЫХ СООБЩЕСТВ СИБИРИ В МИРОВОМ КОНТЕКСТЕ

Куклина В.В.

Институт географии им. В.Б. Сочавы Сибирского отделения Российской академии наук, Иркутск, e-mail: vvkuklina@gmail.com

В статье представлен обзор сравнительных исследований северных локальных сообществ и место в них Сибири. Опираясь на международные сравнения арктических стран, производившиеся Л. Хаски, А. Пилясовым, А. Петровым и др., в статье выделены три основных направления местной экономики: традиционное природопользование, рыночный сектор и трансферты. На основе полевых материалов, собранных в 2013 и 2014 годах, сравниваются местные и зарубежные статистические показатели, а также отмечается, в каких случаях необходимо их дополнение и уточнение при помощи полевых исследований. В результате делается вывод, что северные сообщества Сибири имеют много общего с остальными северными сообществами в плане экономического развития, однако обладают рядом специфичных черт, обусловленных историей развития, особенно советским наследием, и ограниченной транспортной доступностью.

Ключевые слова: северные сообщества, локальная экономика, периферия, неформальная экономика

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE ECONOMY OF THE NORTHERN COMMUNITIES OF SIBERIA IN INTERNATIONAL CONTEXT

Kuklina V.V.

V.B. Sochava Institute of Geography, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Irkutsk, e-mail: vvkuklina@gmail.com

An overview of comparative studies of the northern communities is given with clarification of the place of Siberia there. Using international comparative studies of arctic countries conducted by L. Huskey, A. Pelyasov, A. Petrov etc. the main three kinds of local economies are specified: traditional subsistence, market economy, and transfers. Based on field studies organized in 2013 and 2014 comparison of local and international statistical data is given with specification of where additional field studies are needed in order to supplement or correct given statistical information. As a result, it is noted that northern communities of Siberia have a lot in common with arctic communities elsewhere in economic development. Nevertheless, they have a few specific characteristics formed by the history of their development, and especially inherited from the soviet time, as well as formed by limited transportation accessibility.

Keywords: northern communities, local economy, periphery, informal economy

Современные трансформации в территориальной организации локальных сообществ в России в настоящее время сопровождаются увеличением их территориальной дифференциации и поляризации по уровню доходов и качеству жизни. Исследователи отмечают, что поляризация сопровождается сжатием освоенного сельского пространства и формированием очаговой структуры сельского пространства, при которой ухудшается положение периферийных районов [4]. Особенно заметна подобная поляризация в периферийных сообществах, к которым относится большинство районов Сибири. Данный феномен не является уникальным для России, что особенно заметно при изучении периферийных сообществ Севера: по наблюдениям исследователей, ресурсная периферия не только усугубляется как место, но и находится на периферии внимания исследователей, которые сами обычно находятся в постиндустриальных городах [6]. Поэтому важным является понять: каковы общие черты северных периферийных сообществ, какие уроки могут быть извлечены из международного опыта исследований подобных сообществ, в чём уникальность северных сообществ Сибири и чем она обусловлена.

В условиях периферии значимость социальных связей особенно возрастает, поэтому наличие сообщества – одно из условий сохранения жизни поселений. Особенно это актуально для России и Северной Америки с их обширными пространствами, пёстрым этническим составом и разнообразием природных условий и ресурсов. В XXI веке они встали перед проблемой рационального освоения обширных территорий и создания поселений, удобных для жизни. Частично это было связано с чрезмерной индустриальной активностью в XX веке. Однако сценарии развития сообществ разворачивались по-разному: в США и Канаде – это формирование расовой и этнической сегрегации и бесконечно разрастающихся пригородов, зависимых от наличия личных автомобилей, в России – обезличение городов и деревень в результате игнорирования их

этнокультурной специфики и социальных потребностей.

Несмотря на то, что в дореволюционный период Сибирь России и США часто являлись объектами сравнительного анализа в качестве двух фронтирных территорий, а в советский – для обоснования идеологических различий и в короткий период Второй мировой войны – для обоснования схожести стран перед лицом фашистской Германии, в настоящее время научно обоснованные сравнения фактически отсутствуют за редким исключением [5].

Попытка сравнительного анализа всех северных локальных экономик предпринята Л. Хаски, который представляет их как смесь из трёх взаимосвязанных частей: традиционного или жизнеобеспечивающего сектора, рыночного сектора и трансфертов [8]. Причём освоение ресурсов здесь он рассматривает как соответствующее образцам фронтира: как высокозатратное в силу отсутствия инфраструктуры и прочего материального обеспечения, а также недостатка квалифицированной рабочей силы из-за слабой заселённости. Те же причины делают высокозатратной любую переработку местных природных ресурсов. Таким образом, выделяются три фактора, сдерживающих развитие местных сообществ в таких регионах: ограниченная транспортная доступность, разделяющая «анклавы» ресурсной добычи и местные сообщества, отсутствие необходимой квалификации у местных и ограниченная возможность местных властей получать дополнительные налоги с добычи ресурсов. Несмотря на справедливость его утверждений, каждый из перечисленных факторов по-своему проявляется в Сибири, поэтому далее каждый из пунктов будет рассмотрен подробнее на основе анализа статистических данных и полевых исследований в Тоджинском кожууне Республики Тыва, Катангском и Нижнеудинском районах Иркутской области в 2013 году, в г. Виллистон штата Северная Дакота США в 2014 году.

Традиционное природопользование

По наблюдениям исследователей в Саникилуаке на Северо-Западных территориях Канады, традиционный сектор предоставлял 63% (включая и эквивалент потребления продуктов), и трансферты – 30% реальных доходов местного сообщества в 1987 году [8]. В 2001–2006 годах социологические обследования среди инуитов Гренландии, Аляски, Канады и Чукотки показали, что половина опрошенных семей получают более половины потребляемого мяса при помощи охоты. Особенно важное значение жизнеобеспечивающий сектор имеет в мелких поселениях (менее 1000 чел.), составляющих более 83% поселений Аляски, Северо-Западных территорий, Юкона, Гренландии и Исландии, но в них проживает всего 15% населения этих регионов. На Аляске такие сообщества имеют официальный уровень безработицы в два раза превышающий уровень в городской части штата, неофициальные цифры ещё выше. В Канадской Арктике он составлял около 40% среди коренных народов в 2000 году.

В России отсутствуют статистические показатели для выделения различий между мелкими и крупными поселениями. Однако в Сибири мелкие поселения довольно часто являются территориями расселения коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Как уже отмечалось в предыдущих исследованиях [2], социально-экономические показатели коренного населения и «укоренившихся» представителей других этнических групп довольно близки, поэтому статистические показатели учёта среди представителей коренных малочисленных народов могут рассматриваться в качестве модельных для всех северных периферийных сообществ с высокой зависимостью от традиционного сектора экономики (табл. 1).

При анализе таблицы видно, что количество экономически неактивных значительно превышает количество безработных. Данная категория включает стипендиатов, пенсионеров, получающих другие виды пособия, помимо пособия по безработице, работающих в подсобном хозяйстве и прочих. При анализе состава экономически неактивного населения на региональном уровне можно выяснить, что в основном оно состоит из получающих пенсию, однако при проведении полевых исследований в Катангском районе и в Тофаларии Нижнеудинского района Иркутской области в 2013 году было отмечено, что официально незанятое население было на самом деле вовлечено в традиционные промыслы.

Особенность российской статистики обусловлена ограниченными возможностями учёта безработных в труднодоступных районах. Таким образом, совокупность официально зарегистрированных безработных и экономически неактивного населения может рассматриваться в качестве той, которая занята в традиционном секторе. В результате получаются сопоставимые с другими северными коренными народами черты жизнеобеспечивающего сектора, которые, однако, по-разному учитываются.

Таблица 1

Население частных домохозяйств по экономической активности в возрасте 15–72 лет по сибирским субъектам федерации (по материалам Переписи 2010 г.)

Регионы	Группы населения	Численность населения	Указавшие экономическую активность	В том числе				Процент из указавших экономическую активность			
				экономически активные	из него		экономически неактивные	экономически активные	из него		экономически неактивные
					занятые в экономике	безработные			занятые в экономике	безработные	
Забайкальский край	Всего	811853	768913	517346	448875	5353	251567	67,3	58,4	0,7	32,7
	Эвенки	967	937	546	412	134	391	58,3	44,0	14,3	41,7
Иркутская область	Всего	1825500	1732619	1174621	1060262	114359	557998	67,8	61,2	6,6	32,2
	Тофалары	487	481	290	222	68	191	60,3	46,2	14,1	39,7
	Эвенки	925	909	495	393	102	414	54,5	43,2	11,2	45,5
Республика Бурятия	Всего	708348	693581	446318	387787	58531	247263	64,3	55,9	8,4	35,7
	Сойоты	2455	2438	1441	1112	329	997	59,1	45,6	13,5	40,9
	Эвенки	2055	2028	1238	929	309	790	61,0	45,8	15,2	39,0
Республика Саха (Якутия)	Всего	714296	686808	493121	447867	45254	193687	71,8	65,2	6,6	28,2
	Эвены (Ламуты)	10427	10148	6729	5557	1172	3419	66,3	54,8	11,5	33,7
	Юкагиры	845	835	572	480	92	263	68,5	57,5	11,0	31,5
	Долганы	1254	1239	818	689	129	421	66,0	55,6	10,4	34,0
	Чукчи	428	423	302	271	31	121	71,4	64,1	7,3	28,6
	Эвенки	14334	13902	9492	8039	1453	4410	68,3	57,8	10,5	31,7
Республика Тыва	Всего	208801	205741	123389	97176	26213	82352	60,0	47,2	12,7	40,0
	Тувинцы-тоджинцы	1272	1264	753	480	273	511	59,6	38,0	21,6	40,4

Рыночный сектор

Как уже отмечалось выше, роль рыночного сектора в периферийных сообществах ограничена, что объясняется тремя основными причинами:

1) отсутствием доступа к тем видам работ, которые создаются на севере, в том числе из-за отсутствия необходимых навыков и дороговизны обучения местных из-за того, что правительством установлены высокие стандарты заработной платы для местных;

2) высокими транспортными расходами, добавленными в стоимость продукции;

3) ограниченностью доступа к рынкам и ресурсам, в том числе в результате принятия международных законов, ограничивающих сферу экономики местных.

В Сибири подавляющая часть рыночного сектора связана с добывающей промышленностью, которая всё чаще ведётся вахтовым методом. Часть жизни, проводимая в вахтовых посёлках, фактически не фиксируется: посёлки редко отмечаются на картах, люди не могут быть в них прописаны, доставка авиатранспортом и наземным транспортом производится независимо от других существующих транспортных связей рассматриваемого района.

В результате формируются диспропорции в распределении населения по территории районов, которые искажают карту транспортной доступности и связей (табл. 2).

Статистические данные сравнивались с оценочными во время полевых исследований в 2013 и 2014 годах. Как в России, так и в США местные власти жаловались на недостаток статистики о текущей численности всего и занятого населения. Различие в том, что в городе Виллистон штата Северная Дакота бум нефтегазовой добычи привёл к стремительному росту численности населения и ускоренному жилищному строительству, в то время как в рассматриваемых российских примерах доля занятого местного населения выросла незначительно. Однако в то же время, если говорить о местном укоренённом населении, которое в Северной Дакоте было занято сельскохозяйственной деятельностью, то изменение их занятости тоже оказалось незначительным.

В качестве альтернативы добывающей промышленности в периферийных сообществах часто рассматривается туризм: постепенно набирают популярность круизные туры по Северному Ледовитому океану, экстремальный туризм по труднодоступным горным районам [3] и охотничий туризм.

Таблица 2

Показатели периферийных сообществ
в период бума добычи природных ресурсов (2013 г.)

Показатели	г. Виллистон, Северная Дакота*	г. Усть-Кут, Иркутская область	с. Ербогачен, Иркутская область	с. Тоора-Хем, Республика Тыва
Перепись населения, 2010	14 716	45 375	1 965	2932
Количество гостиниц	28	3	3	0
Жилые единицы, построенныев 2010–2014 гг.	12 237	718**	нет данных	нет данных
Оценочная численность обслуживающего месторождения местного персонала	31 143	670***	нет данных	30

Примечания: * [7]; ** рассчитано на основе отчётов о построенной жилой площади (16 311/27,9 кв. м). *** занятых в Иркутской нефтяной компании (всего в ИНК 4000 занятых, в ВЧНГ – 3500).

Отмечено, что ограниченная транспортная доступность, сезонность, недостаток квалифицированных кадров и гостиниц являются основными факторами, препятствующими развитию туризма [1]. Так же как и в случае с добывающей промышленностью, отсутствует надёжная статистика по учёту туристических потоков и вовлеченности в него местного населения. Исследователи отмечают, что другие сферы сервисной экономики также слабо поддаются учёту, в связи с тем, что частично субсидируются, особенно это заметно в России, где субсидируются жилищное строительство, электричество, коммунальные услуги и т.д.

Из всех видов пока наиболее успешными в опыте зарубежных арктических стран оказываются примеры выхода на международный уровень традиционных отраслей экономики, таких как охота, рыболовство, оленеводство и т.п. [9] а также искусства и ремёсел, основанных на культурных традициях коренных народов, однако, по мнению исследователей, продукты искусств и ремёсел пока ещё недооценены на рынке [10].

Трансферты

Трансферты обеспечивают доходы местных жителей тремя способами: прямыми трансфертами жителям в виде социальных пособий и пособий по безработице (к этому можно добавить в России сохранившиеся с советского периода «северный завоз», различные программы поддержки коренных малочисленных народов, программы переселения из районов Крайнего Севера, из ветхого жилья и т.п.), занятостью на государственных работах и непосредственным обеспечением различными продуктами или услугами (образование, жильё, коммунальные услуги, отопление, электроэнергия, транспортные расходы и т.д.). Исходя даже из беглого взгляда на список, можно понять, что они занимают доминирующее положение в экономике северных сообществ Сибири. Вместе с трансфертами увеличивается зависимость сообщества от внешнего мира – решений, там принимаемых, и ресурсов, там распределяемых. Кроме того, обеспечивая социальную поддержку и сокращая стоимость социальных услуг, они замедляют миграционный отток. Также такая экономика не может быть устойчивой, так как зависит от государственного бюджета.

Таким образом, северные сообщества Сибири имеют много общего с арктическими сообществами в плане экономического развития, несмотря на более южное положение. Однако обладают рядом специфичных черт, обусловленных историей развития, особенно советским наследием, и ограниченной транспортной доступностью.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант № 16-02-00570.

Список литературы

1. Абалаков А.Д., Панкеева Н.С. Особенности развития туризма в период глобального экономического кризиса // География и природные ресурсы. – 2011. – № 3. – С. 111–117.

2. Красноштанова Н.Е., Куклина В.В. Взаимодействие промышленных компаний и местных сообществ в условиях дальней периферии (на примере Катангского района Иркутской области) // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Науки о Земле». – 2014. – Т. 10. – С. 78–91.

3. Куклина М.В., Куклина В.В. Акторно-сетевой подход к исследованию туристической индустрии (на примере озера Байкал) // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 12–8. – С. 1682–1684.

4. Нефёдова Т., Трейвиш А. Состояние сельской местности: к новому витку поляризации. Демоскоп Weekly. 2010. – № 10. – С. 4–17. – http://demoscope.ru/weekly/2010/0437/tema05.php (дата обращения 18.02.15).

5. Brown K. Gridded Lives: Why Kazakhstan and Montana are Nearly the Same Place // The American Historical Review. – 2001. – Vol. 106, № 1. – P. 17–48.

6. Hayter R., Barnes T.J., Bradshaw M.J. Relocating resource peripheries to the core of economic geography's theorizing: rationale and agenda // Area. – 2003. – № 35 (1). – P. 15–23.

7. Hodur N.M., Bangsund D.A. Population Estimates for the City of Williston. March 10, 2015. – http://www.willistonnd.com/usrimages/NDSUPopulationStudyMarch2015.pdf (дата обращения 18.02.15).

8. Huskey L. Globalization and the Economies of the North // Globalization and the Circumpolar North / ed. Heininen Lassi and Southcott Chris. – Fairbanks: University of Alaska Press, 2010.

9. Huskey L., Maenpaa I., Pelyasov A. Economic systems // Arctic Human Development Report // Regional Processes and Global Linkages. – 2014. – С. 151–184.

10. Petrov A. Calvin P.A. Creative capital and economic development opportunities in Alaska // Polar Record. – 2013. – Vol. 49. – № 04. – С. 348–361.